УДК 339.137:339.98
DOI 10.17513/fr.44102

CC BY 4.0

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ В ЭПОХУ «ДВОЙНОЙ АВТОНОМИЗАЦИИ»: ПОТЕНЦИАЛ И УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Мезинова И. А. ORCID ID 0000-0002-1938-840X, Рябов Р. А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», Ростов-на-Дону, Российская Федерация, e-mail: dayainga@gmail.com

Исследование посвящено экономическим отношениям между Российской Федерацией и Европейским союзом в «расширенном» составе (ЕС-27 и Великобритания) в условиях геополитической напряженности и санкционного давления. Цель исследования – комплексная количественная оценка текущего состояния и перспектив двусторонних экономических связей России и европейских стран, а также их влияния на конкурентоспособность национальных экономик в среднесрочной перспективе. Методологической основой служат системный подход к национальной конкурентоспособности и модифицированная методика 9-зонного количественного SWOT-анализа, адаптированная для макроэкономических систем. Оценка парных взаимодействий факторов (S×O, S×T, W×O, W×T) проведена по 5-балльной биполярной шкале на основе данных Международного торгового центра (ITC Trade Map), мониторинга санкционных пакетов ЕС за 2000–2025 гг. и материалов Европейской комиссии. Установлено, что в системе двусторонних отношений преобладает риск стратегического сворачивания: вектор системы определяет доминирующая самоусиливающаяся негативная связка «слабости×угрозы» (квадрант WT), тогда как агрегированный баланс матрицы близок к нейтральному. Ключевым источником деградации связей в рамках примененной модели выступает не ценовая конъюнктура, а системное санкционное давление; тренд на сворачивание энергетического сотрудничества при сохранении текущих политико-правовых ограничений имеет высокую вероятность долгосрочного закрепления. Полученные выводы при условии дополнительной эмпирической проверки могут использоваться как аналитическая основа для корректировки внешнеэкономической стратегии России, определения «точек роста» в несанкционных нишах и оценки рисков «двойной автономизации» экономик.

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, экономические отношения, национальная конкурентоспособность, санкции, SWOT-анализ, энергетический переход, двойная автономизация

COMPETITIVENESS IN THE ERA OF “DUAL AUTONOMISATION”: THE POTENTIAL AND THREATS OF ECONOMIC COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION

Mezinova I. A. ORCID ID 0000-0002-1938-840X, Ryabov R. A.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Rostov State Economic University (RINH)”, Rostov-on-Don, Russian Federation, e-mail: dayainga@gmail.com

The study is dedicated to the economic relations between the Russian Federation and the European Union in its “expanded” composition (EU-27 and the UK) under geopolitical tension and sanctions pressure. The aim of the research is a comprehensive quantitative assessment of the current state and prospects of bilateral economic ties between Russia and the European countries and their impact on the mid-term competitiveness of national economies. The methodology combines a systems approach to national competitiveness with a modified nine-zone quantitative SWOT analysis adapted for macroeconomic systems. Pairwise factor interactions (S×O, S×T, W×O, W×T) were scored on a five-point bipolar scale using International Trade Center (ITC Trade Map), monitoring of EU sanctions packages for 2000–2025 and the European Commission data. It is shown that the risk of strategic retrenchment prevails within the system of bilateral relations: the system’s trajectory is driven by a dominant, self-reinforcing negative “weakness × threat” nexus (the WT quadrant), whereas the matrix’s aggregate balance is close to neutral. The key driver of degradation is not price conditions but the systemic sanctions regime; trend of shrinking energy cooperation is largely irreversible. The findings, subject to further empirical verification, can be used as an analytical basis for adjusting Russia’s foreign economic strategy, identifying “growth points” in non-sanctioned niches, and assessing the risks of “double autonomization” of economies.

Keywords: Russia, European Union, economic relations, national competitiveness, sanctions, SWOT analysis, energy transition, dual autonomisation

Введение

Современный этап международных экономических отношений характеризуется нарастающей турбулентностью и фрагментацией глобального экономического пространства. Для России и европейских стран, связанных многовековой историей торгово-экономического взаимодействия, текущий

период является, вероятно, самым сложным за всё послевоенное время. Санкционное противостояние, разрушение логистических и финансовых цепочек и разворот энергетических потоков ставят под вопрос не только текущие объемы сотрудничества, но и саму модель взаимного экономического притяжения.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью перейти от эмоциональных оценок и публицистических штампов к строгому количественному анализу произошедших изменений. Понимание того, какие сильные стороны удерживают систему от коллапса, а какие угрозы формируют долгосрочные риски, критически важно для выработки прагматичной внешнеэкономической стратегии России.

Несмотря на обилие публикаций о санкциях и контрсанкциях, большинство работ носят либо сугубо политический, либо описательно-экономический характер. Слабо формализованной остается задача количественной оценки структурных изменений в системе «Россия – ЕС». Задача исследования заключается в систематизации множества противоречивых факторов (политических, экономических, технологических) в единую аналитическую модель, позволяющую измерить силу их взаимовлияния и определить результирующий вектор развития системы.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют несколько научных направлений. Фундаментальные вопросы взаимозависимости национальных экономик и влияния геополитики на международную торговлю заложены в работах П. Кругмана, критически оценивавшего саму концепцию «национальной конкурентоспособности» [1], и А. Хиршмана, разработавшего теорию асимметричной взаимозависимости и «эффекта влияния» во внешней торговле [2]. Применительно к российско-европейским отношениям концепция энергетической взаимозависимости подробно раскрыта К. Вестфалем, подчеркивавшим обоюдную выгоду и обоюдные риски сложившихся связей [3]. В российской науке вклад в анализ двусторонних отношений и внутренних драйверов политики ЕС, включая стремление к стратегической автономии, внесли исследователи ИМЭМО РАН [4, с. 13-353] и Института Европы РАН [5, с. 13-172]. Вопросы технологического суверенитета и влияния санкций также рассматривали С. Ю. Глазьев [6], И. Н. Тимофеев [7] и А. Б. Малихин [8].

Отдельное направление посвящено санкционному воздействию. Исследования, фиксирующие нелинейность влияния санкций и эффекты адаптации [9], настоящая статья развивает, вводя понятие «двойной автономизации» как ответной реакции обеих сторон. Методология количественного SWOT-анализа опирается на разработки в области стратегического планирования; в отличие от классического подхода, описанного Г. Минцбергом [10], система отношений рассматривается как самоорганизующаяся, способная к фазовым переходам под влиянием внешних шоков [11].

Целью работы является комплексная количественная оценка текущего состояния экономических отношений между Россией и Европейским союзом в его «расширенном» составе 2013-2020 гг. (ЕС-27 и Великобритания) на основе модифицированного SWOT-анализа, выявление факторов, определяющих конкурентоспособность двусторонней модели взаимодействия, и обоснование ключевых тенденций ее развития на среднесрочную перспективу. Гипотеза исследования состоит в том, что после 2014 г. система двусторонних связей перешла из зоны устойчивого роста в зону стратегического сворачивания, а ключевым драйвером этого перехода выступает не ценовая конъюнктура сырьевых рынков, а системный санкционный режим, институционализирующий разрыв.

Научная новизна исследования заключается не в самой констатации сжатия российско-европейских экономических связей (эта тенденция зафиксирована как в научной литературе [4; 5; 7; 9], так и в официальных докладах и статистике), а в переводе данной качественной оценки в воспроизводимую количественную форму. Применительно к системе «Россия – ЕС (в составе 28 стран)» предложена и реализована стилизованная 9-зонная количественная SWOT-модель, которая: (1) присваивает каждой паре факторов верифицируемую числовую оценку, привязанную к конкретному статистическому показателю; (2) позволяет в единой шкале сопоставить относительный интегральный вклад санкционного фактора и факторов ценовой и сырьевой конъюнктуры (в рамках модели, без претензии на строгую эконометрическую каузальность, тщательная проверка которой отнесена к дальнейшей эмпирической верификации); (3) формализует критерий отнесения системы к одной из девяти стратегических зон. Дополнительным элементом новизны выступает концептуализация «двойной автономизации» как параллельной самоорганизации экономик России и Европы, объясняющая устойчивость наблюдаемого сжатия к возможному смягчению геополитической конъюнктуры. Таким образом, вклад рабо-

ты носит преимущественно методический и измерительный характер: она не столько заново утверждает факт сворачивания, сколько измеряет его глубину, структуру и доминирующий драйвер.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологической базой работы служит системный подход к анализу международных экономических отношений и национальной конкурентоспособности. Основным инструментарием выступает стилизованная модель количественного SWOT-анализа, адаптированная для исследования макроэкономических систем. В отличие от классической версии, где SWOT применяется для качественного стратегического планирования на уровне фирмы, предлагаемая модификация рассматривает объектом анализа систему двусторонних торгово-экономических связей России и ЕС (ЕС-27 и Великобритания), а субъектом – внутренние (S, W) и внешние (O, T) факторы: к внутренним отнесены сложившиеся исторически структурные характеристики системы, к внешним – текущие и прогнозируемые изменения глобальной среды.

Ключевым методом выступает количественный анализ взаимодействий. Для каждой пары факторов в квадрантах SO, ST, WO и WT методом авторской аналитической оценки (оценки выставлены самими авторами, без привлечения внешнего экспертного опроса) присваивалась оценка по 5-балльной биполярной шкале (от -2 до +2). При пяти сильных и пяти слабых сторонах и шести возможностях и шести угрозах каждый квадрант образует матрицу размерности 5×6, то есть 30 парных оценок, а вся модель – 120 оценок. Авторские оценки не являлись интуитивными: каждая ячейка матрицы верифицировалась конкретным количественным показателем (динамика товарооборота в евро, доли товарных групп, хронология санкционных пакетов, абсолютные значения потерь выручки и т. д.), что обеспечивает воспроизводимость и объективность результатов.

Правило перевода показателя в балл (протокол оценивания) единообразно для всех 120 ячеек: знак оценки задается направлением влияния пары факторов на потенциал сотрудничества (усиление «+», деградация «−»), а модуль – относительной величиной верифицирующего количественного показателя. Приняты следующие пороги: |2| – структурный, системообразующий эффект (изменение соответствующего показателя более чем на 50% либо доля рынка/товарной статьи свыше 30%, необратимый характер связи); |1| – умеренный эффект (изменение показателя в диапазоне 10-50% либо доля 10-30%); 0 – эффект несуществен (изменение менее 10%), отсутствует устойчивая направленность или разнонаправленные эффекты взаимно нивелируются.

Классификация системы проводится в два шага. На первом шаге оценивается агрегированный уровень: средний балл по всем 120 ячейкам матрицы составляет $M = +4/120 \approx +0{,}03$, то есть в среднем взаимодействия близки к нейтральным. Этот показатель фиксирует лишь общий уровень и направления движения не задаёт, поскольку близкое к нулю среднее маскирует сильную асимметрию (поляризацию) матрицы. На втором шаге положение определяется в координатах двух полюсов – среднего балла квадранта роста $m_SO = +0{,}93$ и квадранта сворачивания $m_WT = -1{,}27$; по каждой оси выделяются три уровня (низкий, средний, высокий по модулю), что образует поле 3×3 из девяти стратегических зон – от зоны агрессивного роста (высокий SO при слабом WT) до зоны сворачивания (сильный WT при слабом SO). Приоритетным правилом отнесения служит доминирование полюса по абсолютной величине, эквивалентное условию $R = SO/|WT| \gtrless 1$: при $|WT| > SO$ ($R < 1$) система относится к стороне сворачивания, при $SO > |WT|$ ($R > 1$) – к стороне роста. Здесь $|-38| > |+28|$ ($R = 28/38 \approx 0{,}74 < 1$), что однозначно и устойчиво относит систему к стороне сворачивания. Глубину внутри стороны сворачивания характеризует вспомогательная градация R (0,75-1,0 – умеренная; < 0,75 – выраженная); эта градация используется лишь для качественной характеристики и приоритета над основным правилом не имеет, поэтому её пороговая чувствительность (см. ниже) итоговой зоны не меняет.

Информационная база исследования включает статистические данные Международного торгового центра (ITC Trade Map) [12], материалы Совета ЕС по 19 санкционным пакетам [13] и Европейской комиссии по нормативно-правовым документам ЕС. Для оценки устойчивости результатов проведен анализ чувствительности: изменение любой индивидуальной оценки на ±1 балл не меняет доминирующего по модулю квадранта: |WT| остается в диапазоне 37-39 и превышает SO (27-29), поэтому отнесение системы к стороне сворачивания по основному правилу устойчиво. Основное правило ($R = SO/|WT| < 1$, то есть $|WT| > SO$) при этом не нарушается: при изменении одной оценки R остаётся в пределах ≈0,71-0,76, при одновременном изменении двух оценок – ≈0,69-0,78, то есть во всех случаях $R < 1$. Пороговое значение вспомогательной

градации глубины (0,75) при этом может пересекаться, что отражает пограничную глубину, но итоговой зоны (сторона сворачивания) не меняет.

Интерпретация результатов SWOT-анализа опирается на современную теорию национальной конкурентоспособности. Основополагающий подход М. Портера связывает конкурентоспособность страны с производительностью и качеством деловой среды, описываемыми «бриллиантовой моделью», а в более поздних работах – с детерминантами «базовой конкурентоспособности» на микро- и макроуровнях [14]. Развитие модель получила в концепции «обобщенного двойного бриллианта» (Generalized Double Diamond) Х. Муна, А. Ругмана и А. Вербеке, учитывающей международную составляющую конкурентоспособности и роль ПИИ, а также в прикладной методике MASI, позволяющей оценивать конкурентные стратегии страны [15].

В настоящей работе конкурентоспособность трактуется как способность экономической системы к самоорганизации, то есть к адаптации и структурной перестройке в ответ на внешние возмущения [16]. Такой взгляд продолжает линию исследований о новых тенденциях мировой экономики [17] и глобальной динамики [18] и позволяет рассматривать санкционный шок как внешнее возмущение, запускающее процесс реорганизации обеих экономик. Именно в этой логике феномен «двойной автономизации» интерпретируется как параллельная самоорганизация России и ЕС: каждая сторона повышает собственную конкурентоспособность за счет альтернативных механизмов, что снижает значимость прежней модели взаимодополняемости и определяет результирующую конфигурацию SWOT-матрицы.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ позволяет выделить пять групп возможностей (O) для экономического сотрудничества. Во-первых, сохраняющийся объем взаимной торговли. Даже в условиях беспрецедентного санкционного давления товарооборот не был обнулен – ЕС (ЕС-27 и Великобритания) остался третьим по величине торговым партнером России (68 млрд евро в 2024 г. и 59 млрд евро в 2025 г., 18% от исторического максимума 2012 г. в 321 млрд евро [12]), а ряд стран (Болгария (-4%)) оставили экспорт в РФ примерно на сопоставимом с 2021 годом уровне или даже (как Ирландия (+31,7%), Словения (+52%) и Хорватия (+27,8%)) нарастили его; также Венгрия увеличила объем импорта из РФ по сравнению с 2021 годом на 30,5% (табл. 1). Во-вторых, фундаментальная взаимодополняемость экономик. Россия обеспечивала до 40% импорта газа ЕС в 2021 г., а ЕС поставлял высокотехнологичное оборудование (45–52% экспорта в Россию в 2000–2014 гг.) [12]; эта взаимодополняемость не исчезла, а перешла в латентное состояние.

Таблица 1

Данные по взаимной торговле России и фиксированной группы из 28 европейских стран (ЕС-27 и Великобритания) в 2012-2025 гг., в млрд евро

Страна	2012	2014	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
ЭКСПОРТ РФ									
Великобритания	12	7,6	13	21	21	6,4	0,324	0,435	0,446
Австрия	1,2	0,81	0,912	0,755	0,637	0,299	0,062	0,063	0,018
Бельгия	8,6	11	8,1	5,8	7,8	13	3,8	2,4	2,8
Болгария	5,3	4	3,3	1,9	3	6	3,3	0,275	0,968
Германия	32	28	22	15	23	30	3,4	1,7	1,2
Италия	19	17	14	9,1	19	27	4,1	3,5	1,6
Люксембург	0,015	0,033	0,05	0,038	0,037	0,037	0,023	0,008	0,001
Нидерланды	20	18	16	9,5	19	22	5,2	2,1	1,9
Франция	12	10	8,7	5,7	10	16	3,7	4,1	4,1
Дания	0,573	0,898	1,3	0,947	1,7	0,825	0,321	0,31	0,264
Ирландия	0,102	0,226	0,409	0,292	0,6	0,379	0,073	0,039	0,035
Греция	6	4,8	4,1	2,9	4,3	9,3	2,4	1,8	1,4
Испания	8,1	6	3,4	2,6	6	7,6	3,1	2,4	1,7

Окончание табл. 1

Португалия	0,476	0,71	1,1	0,513	1,1	0,652	0,334	0,199	0,159
Финляндия	10	8,6	8,9	5,8	8,5	6,1	1,2	0,849	0,826
Швеция	7,2	6,2	3,8	1,3	2,1	0,74	0,044	0,038	0,0024
Венгрия	6,4	5,5	4	2,3	3,6	9,2	5,7	5,1	4,7
Кипр	0,06	0,033	0,101	0,036	0,086	0,208	0,017	0,0053	0,0035
Латвия	1,2	1,1	1,1	0,932	1,8	1,8	0,606	0,383	0,126
Литва	8,1	5,7	4,6	2,6	4,5	2,7	0,33	0,219	0,264
Мальта	0,156	0,23	0,286	0,012	0,0059	0,0036	0,001	0,000128	0,0027
Польша	22	18	14	10	17	16	2,5	1,7	1,3
Словакия	5,5	4,7	4,5	3,4	5,6	8,2	4,6	4,4	3,7
Словения	0,412	0,491	0,61	0,377	0,398	1,4	0,239	0,151	0,155
Чехия	6,1	4,7	4,5	2,6	5,9	11	3,2	3,1	1
Эстония	1,8	1,6	1,6	1,4	2,3	2,3	0,18	0,167	0,09
Румыния	2,4	2,3	3,1	1,8	4,8	5,5	0,324	0,144	0,142
Хорватия	1,2	0,872	0,295	0,232	0,465	0,476	0,058	0,152	0,175
ИМПОРТ РФ									
Великобритания	6,8	5	3	2,5	3,2	1,2	0,751	0,663	0,424
Австрия	3,1	3,1	2,4	2,1	2	1,8	1,3	0,992	0,912
Бельгия	5,4	4,1	4,1	3,9	4,4	3,6	2,6	2,4	2,6
Болгария	0,562	0,528	0,525	0,422	0,437	0,489	0,501	0,372	0,419
Германия	39	30	27	23	27	15	8,9	7,6	6,9
Италия	10	9,5	7,9	7,1	7,7	5,8	4,6	4,4	3,7
Люксембург	0,136	0,116	0,163	0,109	0,144	0,049	0,0034	0,0039	0,0015
Нидерланды	7,1	6,3	6,4	6	6,6	3,7	2,2	2,2	2,3
Франция	9,1	6,8	5,6	5,2	6,4	3,1	2	2	1,9
Дания	1,4	1,1	0,772	0,751	0,823	0,316	0,095	0,117	0,079
Ирландия	0,603	0,722	0,612	0,446	0,627	0,549	0,471	0,72	0,826
Греция	0,463	0,357	0,209	0,161	0,207	0,149	0,088	0,081	0,073
Испания	3	2,6	2,1	1,9	2,2	1,3	0,851	0,754	0,769
Португалия	0,182	0,204	0,194	0,178	0,178	0,088	0,073	0,099	0,084
Финляндия	5,6	4,6	3,6	3	3,7	2,1	0,659	0,346	0,305
Швеция	2,6	2,4	2	1,7	2,1	0,954	0,824	0,837	1,3
Венгрия	2,6	2,1	1,8	1,6	1,7	1,3	1,1	0,896	0,82
Кипр	0,02	0,038	0,027	0,047	0,077	0,042	0,021	0,017	0,0096
Латвия	1,1	1,1	1,2	1,1	1,2	1,2	1,1	1	0,977
Литва	4,4	5,1	4,1	3,8	3,7	2,7	2,1	0,636	0,406
Мальта	0,038	0,001	0,0058	0,0042	0,0085	0,000551	0,000197	0,000004	0,000012
Польша	7,7	7,1	7	6,7	7,4	4,8	3,7	2,7	2,2
Словакия	2,7	2,1	1,4	1,2	1,3	0,543	0,349	0,218	0,198
Словения	0,942	1	0,886	0,857	0,854	1,2	1,1	1,2	1,3
Чехия	4,7	4,1	3,8	3,8	3,7	1,5	0,676	0,599	0,486
Эстония	2,5	1,9	1,3	1,2	1,2	1,3	1,1	0,95	0,606
Румыния	1,1	1,5	1,1	0,819	1	0,411	0,236	0,185	0,134
Хорватия	0,329	0,275	0,155	0,177	0,205	0,18	0,223	0,228	0,262

Примечание: составлено авторами на основе данных Международного торгового центра ITC Trade Map с применением зеркальной оценки по РФ. Данные за 2024-2025 гг. имеют предварительный статус и подлежат последующему пересмотру со стороны Международного торгового центра.

В-третьих, возможности климатической повестки: European Green Deal [19] и механизм CBAM [20] формируют новую регуляторную среду, в которой российский потенциал в водородной энергетике и низкоуглеродных технологиях может создать точки пересечения интересов при условии глубокой трансформации энергетической модели. В-четвертых, потенциал научно-технического сотрудничества на базе российского импортозамещения (локализация в нефтегазовом машиностроении выросла с 43% до 70% с 2014 г. [21]). В-пятых, сохранение институциональной инфраструктуры: постоянное представительство России при ЕС и Евратоме продолжает работу, обеспечивая хоть и минимальную, но все же основу для потенциального возобновления диалога. Сохраняется и устойчивый спрос ЕС на критические ресурсы (удобрения – свыше 25% импорта ЕС [12]).

Анализ данных позволяет систематизировать ключевые угрозы (Т). Наиболее существенной является нарастающая деградация торговых связей: с 2022 по 2025 г. объем взаимной торговли с 28 странами снизился на 77% – с 260,5 до 59,1 млрд евро. Беспрецедентным стало формирование положительного сальдо для фиксированной группы ЕС-27 и Великобритании: в 2025 г. экспорт данной группы стран в Россию впервые с 2002 г. превысил импорт. Германия, исторически крупнейший партнер, сократила импорт российских товаров на 94,7% к предсанкционному уровню (товарооборот лишь 8,1 млрд евро в 2025 г.).

Второй угрозой выступает расширение санкционного режима. К концу 2025 г. ЕС принял 19 пакетов санкций, охвативших более 2200 физических и юридических лиц и 557 судов «теневого флота», включая полный запрет импорта российского СПГ с 1 января 2027 г., экстерриториальное применение санкций к третьим странам, запрет криптовалютных и финтех-услуг и новый антиобходный инструмент [13].

Третья угроза – необратимая трансформация энергетического сотрудничества. Трубопроводные поставки «Газпрома» в Европу в 2025 г. составили лишь 18 млрд м³ (минимум с 1973 г.), зависимость ЕС от российского газа сократилась с 40% (2021 г.) до менее 10%, а совокупные потери «Газпрома» от утраты европейского рынка оцениваются в 160 млрд евро за 2025–2030 гг. [22; 23].

Таблица 2

Стилизованная SWOT-матрица экономического сотрудничества России и ЕС

Сильные стороны (S)	Слабые стороны (W)
S1. Многовековая историческая база торгово-экономических связей (с XIX в.)	W1. Сырьевая структура российского экспорта
S2. Фундаментальная взаимодополняемость экономик	W2. Отсутствие действующего базового соглашения (СПС истекло, новое не подписано)
S3. Сохранение институциональной инфраструктуры (постпредства, дипломатические каналы)	W3. Высокая степень политизации экономических связей
S4. Наличие физической инфраструктуры (газопроводы, частично логистические маршруты)	W4. Асимметрия торгового баланса и зависимость от конъюнктуры сырьевых рынков
S5. Опыт совместных проектов (TACIS, «Партнерство для модернизации», 4 общих пространства)	W5. Отсутствие механизмов разрешения экономических споров
Возможности (O)	Угрозы (T)
O1. Сохранение экономического интереса ряда стран ЕС	T1. Системный характер санкционного режима (19 пакетов, 2200+ лиц)
O2. Потенциал климатической повестки (водородная энергетика, «зеленый» аммиак)	T2. Запрет российского СПГ с 2027 г. и потеря ≈160 млрд евро выручки «Газпрома» до 2030 г.
O3. Переход к равноправной модели НТС на базе российского импортозамещения	T3. Экстерриториальное расширение санкций на третьи страны
O4. Восстановление торговли в несанкционных группах и диверсификация через третьи страны	T4. Формирование альтернативных торговых экосистем
O5. Использование транзитного потенциала Северного морского пути	T5. Углубление технологического разрыва и «двойная автономизация»
O6. Спрос ЕС на критические ресурсы (удобрения, металлы)	T6. Макроэкономические дисбалансы

Примечание: составлено авторами на основе данных ITC Trade Map и данных Совета ЕС и Европейской комиссии.

Таблица 3

Значения пар факторов SWOT-анализа

Балл	Значение
+2	Взаимное положительное усиление обоих факторов
+1	Умеренное положительное взаимодействие
0	Нет связи или разнонаправленные эффекты нейтрализуются
−1	Умеренное негативное взаимодействие
−2	Взаимное отрицательное усиление (критическая связка)

Примечание: составлено авторами на основе данных, полученных в ходе исследования.

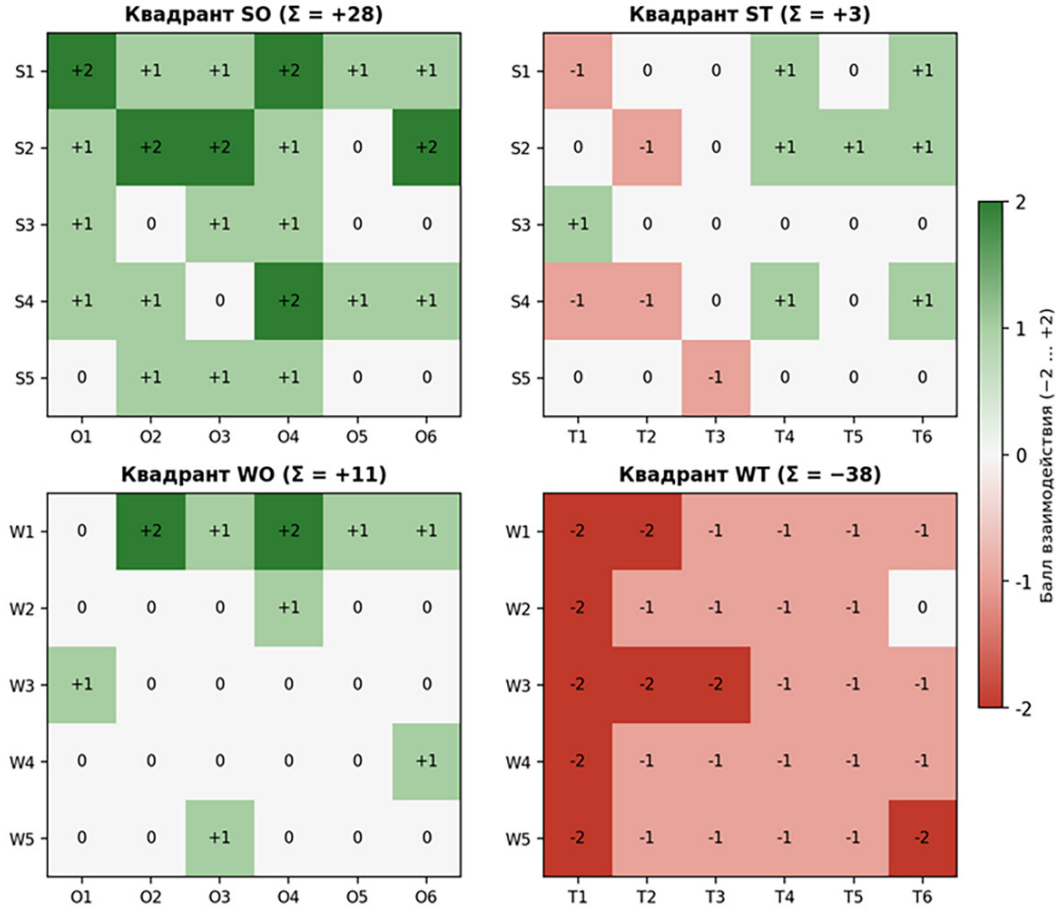

Рис. 1. Количественные SWOT-матрицы взаимодействия факторов
Примечание: составлено авторами по результатам данного исследования

Четвертая угроза – углубляющийся технологический разрыв: и Россия (программы импортозамещения [24]), и ЕС (European Chips Act [25], Digital Europe Programme [26], Digital Compass 2030 [27]) делают ставку на технологическую автономизацию по ключевым критическим технологиям, что взаимно снижает спрос на технологическое взаимодействие. Пятая угроза – формирование альтернативных торговых экосистем (например, Россия – Китай (с товарооборотом около 202 млрд евро в 2025 г.); ЕС – Индия (124 млрд евро). Шестая – макроэкономические дисбалансы: стагфляция в России (высокая ключевая ставка, дефицит бюджета 2,6% ВВП в 2025 г.) и последствия энергетического кризиса в ЕС. На основании анализа целесообразно обобщить факторы в форме стилизованной SWOT-матрицы (табл. 2).

Для количественной оценки факторов, выявленных в таблице 2, применена модифицированная методика 9-зонного SWOT-анализа. Центральная идея – переход от качественного перечисления факторов к попарной числовой оценке их взаимодействия. Для каждой пары факторов определена оценка по 5-балльной биполярной шкале (табл. 3).

Оценки присвоены самими авторами методом аналитической оценки (авторское экспертное суждение, а не опрос внешних экспертов): каждая ячейка матрицы обоснована конкретными количественными показателями (объемы торговли, доли товарных групп, ценовая динамика, хронология санкций). Равенство числа сильных и слабых сторон (по 5 факторов) обеспечивает баланс противоположных квадрантов; шесть возможностей и шесть угроз формируют квадранты размерности 5×6. Проведенный анализ чувствительности показал, что ни одно изменение оценки на ±1 балл не меняет доминирующий по модулю квадрант (WT) и, соответственно, отнесение системы к стороне сворачивания по основному правилу; при этом вспомогательный индикатор R чувствителен вблизи порога 0,75.

Количественная оценка матрицы подтверждает, что система российско-европейских связей в 2014–2025 гг. смещается в зону стратегического сворачивания. Получены следующие суммарные показатели по квадрантам: SO (+28), ST (+3), WO (+11), WT (−38); общий баланс матрицы составляет +4 балла. Это означает, что совокупный позитивный вклад сильных сторон и возможностей лишь незначительно превышает интегральный негативный эффект сочетаний слабостей и угроз. Отношение SO/|WT| = 28/38 ≈ 0,74 фиксирует доминирование зоны сворачивания, несмотря на формальное преобладание положительных значений в квадрантах SO и WO. Тепловые карты квадрантов представлены на рисунке 1.

Следует подчеркнуть, что общий баланс матрицы (+4 балла), доминирование квадранта и стратегическая зона – три разные характеристики, которые необходимо разграничивать. Общий баланс (+4) является алгебраической суммой разнородных квадрантов, близок к нулю (агрегированный уровень – пограничный, близкий к нейтральному) и критерием классификации не выступает. Стратегическая сторона определяется в первую очередь доминирующим по модулю квадрантом, которым является WT (-38 против +28 у SO); это правило устойчиво к изменению отдельных оценок на ±1 балл и относит систему к стороне сворачивания. Вспомогательный индикатор глубины R = SO/|WT| = 28/38 ≈ 0,74 лежит вблизи порога 0,75, то есть характеризует положение как пограничное по глубине, но приоритета над правилом доминирующего квадранта не имеет. Тем самым близкий к нейтральному агрегированный баланс не противоречит отнесению системы к стороне сворачивания: это характеристики разного уровня.

В матрице SO преобладают положительные оценки «+1» и «+2»: сильные стороны S1 (историческая глубина связей), S2 (взаимодополняемость экономик) и S4 (действующие энергетические маршруты) сочетаются с возможностями O2 (климатическая повестка), O4 (диверсификация через третьи страны) и O6 (спрос на критические ресурсы). Это отражает то, что глубина связей, взаимодополняемость по оси «технологии – сырье» и действующие маршруты остаются драйверами использования возможностей. Напротив, в квадранте WT наблюдается концентрация оценок «-1» и «-2» для слабостей W1, W3 и W5 в сочетании с угрозами T1–T3, что отражает критическое усиление санкционного давления, политической волатильности и энергозависимости. По сути, квадрант WT выступает зеркальным отражением досанкционной модели 2000–2013 гг. (табл. 4).

Таблица 4

Итоговые значения расчета по квадрантам SWOT-матрицы

Квадрант	Σ баллов	Средний балл
SO (Рост)	+28	0,93
ST (Защита)	+3	0,10
WO (Совершенствование)	+11	0,37
WT (Сворачивание)	-38	-1,27
ИТОГО	+4	—

Примечание: рассчитано авторами (каждый квадрант – матрица 5×6, 30 парных оценок).

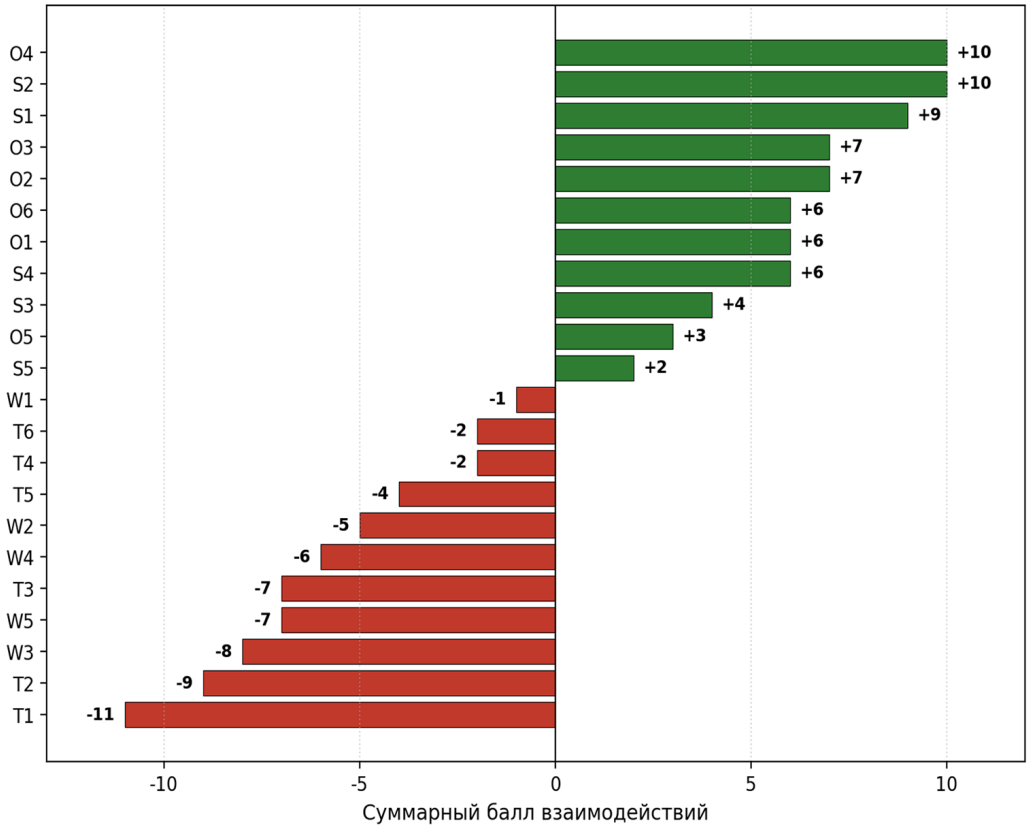

Рис. 2. Рейтинг факторов SWOT по суммарному баллу взаимодействий
Примечание: составлено авторами по результатам данного исследования

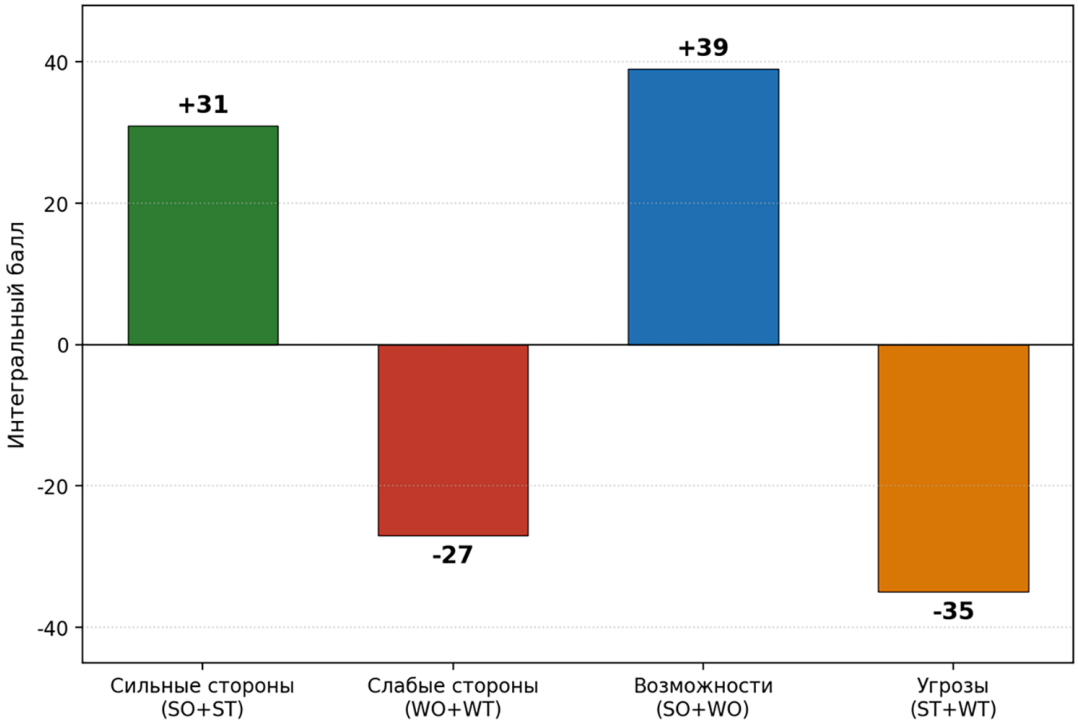

Рис. 3. Стратегический баланс SWOT: положительные и отрицательные стороны
Примечание: составлено авторами по результатам данного исследования

Ранжирование факторов по суммарному баллу взаимодействий (рис. 2) позволяет выделить ключевые источники устойчивости и уязвимости системы. Среди сильных сторон наибольший интегральный эффект демонстрирует S2 – фундаментальная взаимодополняемость экономик (+10 баллов); далее следуют S1 – историческая глубина связей (+9 баллов), S4 – действующие энергетические маршруты (+6 баллов) и S3 – институциональная инфраструктура (+4 балла). В блоке слабых сторон доминирует W3 – высокая политизация экономических связей (-8 баллов), далее W5 – отсутствие механизмов разрешения споров (-7 баллов) и W4 – асимметрия торгового баланса (-6 баллов).

Среди внешних возможностей наибольший суммарный эффект демонстрирует O4 – диверсификация торговли и восстановление несанкционных групп (+10 баллов), что отражает уже происходящую переориентацию потоков; далее O2 (климатическая повестка, +7 баллов) и O3 (равноправная модель НТС, +7 баллов). Однако данный потенциал наталкивается на сильные внешние ограничения: наиболее значимой угрозой оказывается T1 – системный санкционный режим (-11 баллов), далее T2 – запрет СПГ и потери «Газпрома» (-9 баллов) и T3 – экстерриториальное расширение санкций (-7 баллов), что количественно фиксирует доминирование квадранта WT. Принципиально, что наибольший негативный вклад вносит именно внешний фактор санкционного режима (T1), а не ценовая конъюнктура: это подтверждает гипотезу о системном характере деградации связей. Тем не менее важно отметить, что относительное преобладание санкционной компоненты в рамках модели не отменяет необходимость в проведении дальнейшего независимого эконометрического расчета каузальности.

Сводная оценка стратегического баланса (рис. 3) показывает, что совокупное влияние сильных сторон (SO+ST) достигает +31 балла, тогда как слабости (WO+WT) дают -27 баллов; внешние возможности (SO+WO) оцениваются в +39 баллов, а совокупное воздействие угроз (ST+WT) – в -35 баллов. Формально позитивные компоненты (S и O) лишь немного превосходят негативные (W и T), что соответствует переходу системы из зоны устойчивого роста в пограничное состояние с доминированием сценариев сворачивания. Для перехода в зону роста необходимо увеличить суммарную «силу» квадранта SO как минимум на 10 баллов или сократить абсолютную величину WT на ту же величину, что в условиях сохраняющегося санкционного режима и реализации Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM) выглядит маловероятным без качественного изменения политико-правовой рамки отношений. Уточним, что характеристика «пограничное состояние» относится к агрегированному балансу (близкому к нулю), тогда как отнесение системы к стороне сворачивания задается доминирующим квадрантом WT и от знака совокупного баланса не зависит.

Таким образом, количественный SWOT-анализ подтверждает, что досанкционная модель торгово-экономического взаимодействия ЕС и России, обеспечивавшая устойчивый рост товарооборота за счет энергетической взаимозависимости и взаимодополняемости экономик, после 2014 г. трансформировалась в конфигурацию, в которой риск стратегического сворачивания объективно доминирует над потенциалом адаптивного роста. Доминирование квадранта WT (-38 баллов) над SO (+28 баллов) и коэффициент $SO/|WT| \approx 0{,}74$ количественно фиксируют переход системы из зоны роста в зону сжимающейся кооперации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд ключевых положений, напрямую коррелирующих с поставленной целью и выдвинутой гипотезой. Во-первых, угрозы в настоящее время количественно и качественно превалируют над возможностями. Совокупный масштаб потерь от деградации торговых связей (около 190 млрд евро за 2022–2024 гг.) многократно превышает потенциальный эффект идентифицированных возможностей. Угрозы носят системный и самоподдерживающийся характер: санкционный фактор (T1) усиливает действие запрета СПГ и финансовых ограничений (T2–T3, T6), формируя устойчиво отрицательную конфигурацию квадранта WT, тогда как реализация возможностей остается условной.

Во-вторых, рейтинговый анализ факторов в рамках применённой модели ставит под сомнение распространённое представление о ценовой природе кризиса: полученные результаты указывают на доминирующую роль санкционного режима в рамках примененной экспертной модели, а не циклического изменения цен на сырье. Именно внешний фактор T1 (-11 баллов) демонстрирует наибольший негативный интегральный эффект, а среди внутренних слабостей доминирует политизация экономических связей (W3, -8 баллов). Санкции корректно квалифицировать как внешнюю угрозу системе, а не как ее внутреннюю слабость: их разрушительное действие реали-

зуется через взаимодействие с внутренними уязвимостями (сырьевая структура экспорта, отсутствие правовой базы партнерства).

В-третьих, энергетическая трансформация при сохранении текущих политико-правовых ограничений имеет высокую вероятность долгосрочного закрепления. Восстановление сотрудничества в прежнем формате (трубопроводный газ как основа торговли) практически исключено ввиду физического повреждения инфраструктуры, наращивания альтернативных маршрутов и законодательных ограничений на импорт российского СПГ к концу десятилетия. В количественных терминах это отражается в том, что сочетания сильной стороны S4 с угрозами T1-T3 уже не компенсируют совокупный негативный эффект слабостей W1 и W3 в связке с теми же угрозами.

В-четвертых, наблюдается процесс «двойной автономизации» экономических систем. Россия ускоренно развивает технологический суверенитет и переориентирует торговые потоки в сторону азиатских партнеров, тогда как ЕС выстраивает собственную технологическую и энергетическую автономию через инструменты European Chips Act, REPowerEU и Global Gateway. В контексте понимания конкурентоспособности как самоорганизации обе стороны под воздействием внешнего возмущения перестраивают внутреннюю структуру, повышая устойчивость за счет альтернативных механизмов. Параллельная автономизация снижает вероятность возврата к прежней модели взаимозависимости даже при гипотетическом смягчении геополитических противоречий; конкурентоспособность более не достигается за счет прежней взаимодополняемости.

В-пятых, точки потенциального взаимодействия смещаются в новые сферы. Если в 2000–2014 гг. основой партнерства были энергоносители и взаимные инвестиции, то к горизонту 2030 г. относительное значение приобретают климатическая повестка (водород, низкоуглеродные технологии), критические ресурсы (удобрения, отдельные металлы) и транспортная логистика (Северный морской путь). При этом бизнес-среда демонстрирует большую устойчивость, чем политические институты: динамика торговли Венгрии, Словении, Хорватии свидетельствует о наличии экономических интересов, устойчивых к политическому давлению.

Подводя итог, проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу: система двусторонних отношений сместилась из зоны устойчивого роста (характерной для 2000–2013 гг.) в зону стратегического сворачивания, а интегральный показатель $SO/|WT| \approx 0{,}74$ свидетельствует о том, что сохраняющиеся сильные стороны не способны компенсировать нарастающее давление слабостей и угроз без кардинального изменения внешнеполитической конъюнктуры. В краткосрочной перспективе разрыв связей снижает конкурентоспособность энергоемких производств ЕС и доступ России к западным технологиям, однако в среднесрочной перспективе обе стороны повышают конкурентоспособность за счет альтернативных механизмов. Реализация сохраняющихся возможностей (O2, O4, O6) возможна лишь в формате «точечной» кооперации, свободной от высокой политизации. Полученные выводы при условии дополнительной эмпирической проверки могут использоваться как предварительная аналитическая основа для корректировки внешнеэкономической стратегии России, определения «точек роста» в несанкционных нишах и оценки рисков, связанных с процессами «двойной автономизации» экономик. Соответственно, дальнейшие исследования целесообразно направить на верификацию модели и расчет сценариев изменения квадрантов SWOT-матрицы при различных траекториях санкционного режима.

Список литературы

1. Krugman P. R. Competitiveness: A Dangerous Obsession // Foreign Affairs. 1994. Vol. 73. № 2. P. 28–44. URL: http://gesd.free.fr/krugman94.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

2. Hirschman A. O. National Power and the Structure of Foreign Trade. Berkeley: University of California Press, 1980. 172 p. ISBN: 0-520-04082-1.

3. Westphal K. German-Russian Gas Relations in face of the energy transition// Russian Journal of Economics. 2020. № 6(4). P. 406-423. URL: https://rujec.org/article/55478/ (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.32609/j.ruje.6.55478.

4. Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией / Под ред. Н. К. Арбатовой, А. М. Кокеева; ИМЭМО РАН. М.: Изд-во Весь Мир. 2020. 368 с. ISBN: 978-5-7777-0832-8. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2020/2020-Strategicheskaya-Arbatova.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

5. Аникеев С. А., Айвазян Д. С., Биссон Л. С., Васильченко А. Д., Ведерников М. В., Годованюк К. А., Доманов А. О., Котов А. В., Маслова Е. А., Плюснин Р. М., Скрипка И. Р., Трофимов П. А., Чихачёв А. Ю., Шариков П. А. Европейская стратегическая автономия: оценки и вызовы. М.: Доклады Института Европы № 420. 2025. 190 с. ISBN: 978-5-98163-232-7. URL: https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/420.pdf (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.15211/report32025_420.

6. Глазьев С. Ю. О глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 2(32). С. 11–22. URL: https://www.eijournal.ru/jour/article/view/803/280 (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.22394/2073-2929-2020-2-11-22.

7. Тимофеев И. Н. Торговые санкции Европейского союза в отношении России: современная практика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. № 2. С. 233-247. URL: https://economicsjournal.spbu.ru/article/view/17628 (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.21638/spbu05.2024.205

8. Малихин А. Б. Ретроспектива санкционного режима в рамках торговоэкономического сотрудничества России и Европейского союза // Вестник евразийской науки. 2022. № 14(4). URL: https://esj.today/PDF/28ECVN422.pdf (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.15862/28ECVN422.

9. Russia's and the EU's sanctions: economic and trade effects, compliance and the way forward. WIFO Studies. WIFO. 2017. № 60669. ISBN: 978-92-846-1740-1. URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2017/603847/EXPO_STU(2017)603847_EN.pdf (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.2861/658339.

10. Mintzberg H. The Rise and Fall of Strategic Planning // Harvard Business Review. 1994. Reprint 94107. P. 107-114. URL: https://theisrm.org/documents/Mintzberg%20%281994%29%20Fall%20and%20Rise%20of%20Strategic%20Planning.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

11. Мезинова И. А. Формализация алгоритмов формирования национальной конкурентоспособности в структуре государственного управления экономикой в условиях внешних возмущений // Фундаментальные исследования. 2026. № 2. С. 25-32. URL: https://s.fundamental-research.ru/pdf/2026/2/43977.pdf (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.17513/fr.43977.

12. Официальный сайт Международного торгового центра. ITC Trade Map. [Электронный ресурс]. URL: https://www.trademap.org/en/goods/time-series/ (дата обращения: 11.08.2026).

13. Официальный сайт Совета Европейского Союза. Russia's war against Ukraine: EU sanctions. [Электронный ресурс]. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions-against-russia/ (дата обращения: 01.07.2026).

14. Delgado M., Ketels C., Porter M. E., Stern S. The Determinants of National Competitiveness // NBER Working Paper № 18249. Cambridge, MA: NBER, 2012. 47 p. URL: https://www.nber.org/papers/w18249 (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.3386/w18249.

15. Мезинова И. А. Международная конкурентоспособность России: концептуальные основы и новые стратегические подходы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2018. Т. 212. № 4. С. 386–418. URL: https://www.veorus.ru/upload/iblock/a6a/veo_212.pdf (дата обращения: 01.07.2026).

16. Самофалов В. И., Мезинова И. А. Самоорганизация национальной экономики в условиях стохастической мирохозяйственной среды: вербальная модель конкурентоспособности // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2024. № 1. С. 69–73. URL: http://risk-online.ru/archive/2024/01/1560-8816-2024-1-69-73/ (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.56584/1560-8816-2024-1-69-73.

17. Афонцев С. А. Новые тенденции в развитии мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 36–46. URL: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2019/5-t-63/economy-economic-theory/new-trends-in-global-economy (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-36-46.

18. Садовничий В. А., Акаев А. А., Ильин И. В., Коротаев А. В., Малков С. Ю. Моделирование и прогнозирование глобальной динамики в XXI веке // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2022. № 1. С. 5–35. URL: http://www.vestnik27-msu.ru/issue/article/2093/ (дата обращения: 01.07.2026). DOI: 10.56429/2414-4894-2022-39-1-5-35.

19. Официальный сайт Совета Европейского Союза. European Green Deal. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/policies/european-green-deal/ (дата обращения: 11.08.2026).

20. Официальный сайт Европейский Комиссии. Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM). [Электронный ресурс]. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/carbon-border-adjustment-mechanism_en (дата обращения: 11.08.2026).

21. Национальная ассоциация нефтегазового сервиса. Импортонезависимость России в нефтегазовом оборудовании выросла до 70%. 18.09.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://nangs.org/news/technologies/importonezavisimost-rossii-v-neftegazovom-oborudovanii-vyrosla-do-70 (дата обращения: 11.08.2026).

22. РБК. Экспорт российского газа в Европу упал до минимума за полвека. 30.12.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/30/12/2025/6953bdfc9a7947ca31d416d3?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 11.08.2026).

23. Деловой профиль. Российский и мировой рынки нефтегаза. 22.07.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rossiyskiy-i-mirovoy-rynki-neftegaza/ (дата обращения: 11.08.2026).

24. Фонд развития промышленности. Перечни критической промышленной продукции Минпромторга России. [Электронный ресурс]. URL: https://frprf.ru/plany-importozameshcheniya/ (дата обращения: 11.08.2026).

25. Официальный сайт Европейский Комиссии. European Chips Act. [Электронный ресурс]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-chips-act (дата обращения: 11.08.2026).

26. Официальный сайт Европейский Комиссии. The Digital Europe Programme. [Электронный ресурс]. URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/activities/digital-programme (дата обращения: 11.08.2026).

27. Официальный сайт Европейский Комиссии. 2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52021DC0118 (дата обращения: 11.08.2026).

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.

Финансирование: Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования.

Financing: The research was performed without external funding.